

Глава 23 (Экстра). Старая тропа

Пятидесятый год эры Сюаньжу. Позади осталось полвека правления; Ли Юань окончательно сосредоточила власть в своих руках. Путём подкупов и жестоких опал она взрастила целую плеяду верных приспешников. Но именно в этот год ушла из жизни Линь-момо — кормилица, вынянчившая её с пелёнок. Та самая женщина, что когда-то, в разгар борьбы за трон, заслонила её собой, приняв удар вражеского клинка. Линь-момо было почти девяносто — возраст почтенный, и в народе такие проводы считались благими.

Ли Юань устроила кормилице пышное прощание. Гробницу воздвигли по чину высшего сановника, а погребение поражало своим размахом.

Тогда императрица ещё не осознавала, что предвещает эта смерть. Это было лишь началом.

Сто тридцатый год Сюаньжу. Давно состарились и увяли мужа и наложники, которых Ли Юань когда-то нежно любила. Многолетняя привязанность всё ещё теплилась в её сердце, и когда последний из фаворитов внезапно скончался, она долго пребывала в меланхолии — пока внимание её не захватили новые лица и свежие увлечения.

Однако вскоре она поняла, что попала в замкнутый круг. Как бы сильно она ни баловала своих избранных, как бы тщательно лекари ни оберегали их здоровье, все они неизбежно покидали этот мир раньше неё. Слуги во дворце сменялись чередой, и тогда Ли Юань начала даровать новым прислужникам те же имена, что носили их предшественники. Один умирал — другой занимал его место, принимая имя покойного. Ли Юань тешила себя иллюзией, будто люди не меняются, будто одни и те же верные души сопровождают её вечно.

Но обман не мог длиться долго. Имена оставались прежними, но люди были другими. Малейшее различие в привычках, тончайший нюанс в поведении — едва Ли Юань успевала привыкнуть к человеку, как его смерть вынуждала её подстраиваться под нового. Эти мелочи, словно соль на рану, твердили ей об одном: она безнадежно одинока.

Сто девяносто третий год Сюаньжу. Очередная смерть мужа. Ли Юань наблюдала, как они уходят один за другим, и в её душе копилось глухое раздражение. Неужели в целом свете нет никого, кто мог бы остаться с ней навсегда?

Она не понимала, в чём причина её мук, не ведая, что это и есть истинная цена долголетия. Бессмертие — не милость небес, а тяжкая кара. Страшно не само одиночество, а участь вечного свидетеля. Ты видишь, как умирают твои родные, как прахом рассыпаются те, кто был дорог, как гаснет любовь. Ты остаёшься один, снова открываешь сердце — и снова смотришь в бездну чужой могилы. Бесконечный цикл, у которого нет финала.

Постепенно она научилась бесстрастию. На придворных сановников императрица взирала как на живых мертвецов: в её глазах они уже были глением, в то время как она сама была воплощением вечности.

Обретя это холодное спокойствие, Ли Юань стала править увереннее, потакая лишь собственным прихотям. Страна Сюаньжу процветала, но благоденствие таило в себе яд. Мироздание зиждется на равновесии, и порядок в государстве — не исключение. Но баланс Сюаньжу неумолимо рушился под тяжестью прожитых императрицей веков. Чтобы укрепить трон, она использовала приёмных сыновей и дочерей, повязывая ими министров, но это лишь усугубляло разлад. В высшем свете воцарились странные нравы: мужчины заводили жён лишь для видимости, предпочитая делить кров и жизнь с другими мужчинами в тесных союзах, порой более крепких, чем священный брак. Рождаемость в стране упала до пугающих пределов. Ли Юань пришлось издать принудительные указы, чтобы хоть как-то исправить положение, но это была лишь ширма. Между полами пролегла пропасть, которую императрица ленилась замечать. В тот момент её терзала лишь одна мысль: она жаждала собственного ребёнка.

Заклучив когда-то контракт, она радовалась вечной молодости, но вскоре обнаружила, что время в её теле замерло. У неё прекратились лунные циклы. Ли Юань не знала болезней, не нуждалась в пище и не ведала усталости, но эта бесчеловечная природа проявила свою жестокость именно тогда, когда она захотела продолжить свой род.

Ли Юань была бесплодна. Сколько бы мужчин она ни сменила, сколько бы чудодейственных снадобий ни испробовала — чрево её оставалось пустым. Небеса словно насмехались над ней: ты бессмертна, но у тебя никогда не будет дитя. Не желая мириться с судьбой, она созвала во дворец магов, алхимиков и сомнительных кудесников. Одни ставили диагнозы, другие варили эликсиры, но всё было тщетно, пока один призрачный заклинатель не предложил ей зловецкий выход.

Он предложил ей «сотворить» ребёнка.

Нужно было найти нерождённую душу, отмеченную печатью Инь: зачатую в год Инь, в месяц Инь, в день Инь и час Инь, и находящуюся в землях Инь. Это должен был быть не просто ребёнок, а «сосуд тьмы».

Ли Юань, ослеплённая жаждой, сочла этот путь вполне достойным и приказала чернокнижнику немедленно приступить к поискам. Тот предупредил: чтобы обрести такое дитя, нужно истребить весь его род, а сам плод должен быть извлечён из чрева мёртвой матери — только так ритуал возымеет силу.

Императрица не колебалась ни секунды. Эти люди были её подданными, её собственностью. Какая разница, когда им суждено умереть? Принять смерть ради её блага — их высший долг.

Двести двадцать четвёртый год Сюаньжу. По стране поползли слухи о страшном море. Целые деревни вымирали, охваченные неведомой болезнью. Народ пребывал в ужасе, а императрица щедро раздавала золото, чтобы унять панику. Подданные воспевали её мудрость, не подозревая, что истинным источником «чумы» была их госпожа.

Тринадцать селений были стерты с лица земли. Наконец чернокнижник принёс ей то, что

искал — призрачного младенца, вспоротого из утробы матери в час абсолютной тьмы. Плод уже был доношен и готов был вот-вот явиться на свет, но вместо этого стал духом.

Маг проводил ритуал девяносто девять дней. Когда «сосуд тьмы» окончательно обрёл форму, небо содрогнулось от удара молнии. Карающий разряд испепелил чернокнижника на месте, развеяв его душу, но, к удивлению Ли Юань, не тронул призрачное дитя. Младенец оказался в её руках, и она, вне себя от восторга, нарекла девочку Ли Гуй.

Боясь, что дочь будет тосковать в одиночестве, императрица окружала её приёмными детьми. Но в отличие от прежних времён, теперь она лично следила за их воспитанием во дворце. Впрочем, Ли Гуй унаследовала характер матери: она презирала названных братьев и сестёр. Ли Юань быстро нашла им другое применение: они стали инструментами. Кого-то отдавали в жёны министрам для упрочения связей, кого-то — богатым купцам, из других растили шпионов, полностью распоряжаясь их судьбами.

Иногда, если императрице нравился какой-то ребёнок, она приказывала убить его родителей, чтобы забрать сироту себе. Она неустанно внушала Ли Гуй, что всё, чем та владеет, даровано ей материнской милостью, приучая девочку к беспрекословному подчинению.

Глядя на приёмных детей, Ли Юань видела лишь послушных марионеток в своих руках и находила в этом извращённое удовлетворение.

Так продолжалось, пока один из воспитанников не взбунтовался. Прямо перед её троном он выкрикнул, захлебываясь от ярости:

— С меня хватит! Я не мог выбирать, как мне жить, но теперь я сам выберу, как мне умереть!

С этими словами он покончил с собой. Кровь брызнула императрице на подол, а на лице юноши, в предсмертной судороге, застыла самая сильная и искренняя улыбка в его жизни.

В тот миг в глубине души Ли Юань что-то дрогнуло. Мелькнуло смутное воспоминание: кажется, когда-то кто-то уже так же отчаянно восставал против судьбы... Но мысль исчезла так же быстро, как и возникла. Осталось лишь брезгливое отвращение к луже крови на полу. Она лишь небрежно взмахнула рукой, приказывая убрать тело.

И только много лет спустя, когда клинок Лун Юя взметнул её голову над плечами, в последнее мгновение перед небытием память хлынула вспять. Ли Юань вдруг осознала: сама того не заметив, она в точности повторила путь своего отца.

Когда-то, будучи принцессой, она проклинала несправедливость небес. Став императрицей, она уперлась в свою непогрешимость.

Именно эта слепая уверенность и вывела её на ту самую старую, залитую кровью тропу, с

которой нет возврата.

<http://bllate.org/book/17533/1704939>